

«Я НЕ ВЕРЮ
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ КИНО»

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

ВЕЧЕРНИЙ КЛУБ
8 мая 2003

ПИАНИСТЫ И ГЕРОИ

Он никогда не приезжает в Америку, потому что там его ждет тюрьма: Роман Полански обвиняется в изнасиловании. Он снял множество картин, ставших культовыми: «Любовник Розмари», «Чайна-таун», «Отвращение». Его последняя работа – фильм «Пианист» – завоевала 39 наград по всему миру. Среди них – три «Оскара». На церемонии вручения статуэтку за лучшую режиссуру за него получал Хариссон Форд, потом награду упаковали в коробку, прикрепили бирку: «Роману Полански». И отослали в Польшу. А он там вскрыл ящик и поставил очередной трофей на полку. Теперь США готовы капитулировать. Но Роман Полански никогда не приедет в Америку. Зато он приехал в Россию. Оpozдал на пресс-конференцию на полчаса, сонно вышел из лимузина. Маленький, смешной лохматый человечек в джинсах и пиджаке, отлично выглядящий для своих почти семидесяти, искренне смущающийся из-за обилия камер.

– Мне как говорить – по-английски или по-французски? – Роман Полански обаятельно улыбается.

– По-русски!

– Нет, его я немножко только знаю (по-русски, с явным акцентом).

– В «Пианисте» есть очень многое от «Списка Шиндлера»...

– Неправда. Между этими двумя картинами лишь одно общее: они обе основаны на трагедии Холокоста. Но если «Список» реконструирует характеры и факты, то «Пианист» – мемуары существовавшего человека, написанные им сразу после войны. Кстати, много лет назад мне предлагали снять «Список Шиндлера», но я отказался: действие фильма происходит в Краковском гетто – там, где я жил. Это слишком личное. Я никогда не смог бы снимать фильмы о себе или близких людях. Я не верю в автобиографическое кино.

– Почему картину решили снимать на студии в Германии?

– (Грустно, с болью) Довоенная Варшава была стерта... Абсолютно стерта. Пришлось восстанавливать в павильонах улицы, дома. 90 процентов «Пианиста» сняты в студии. Мне помогали немцы. Они же и играли фашистов. Вы знаете, это так странно: в Германии уже появилось новое поколение, свободное. Эти молодые и веселые люди не чувствуют вины, у них не повреждено сознание. Похоже, немцы поняли, как обращаться со своим прошлым...

– Как вы относитесь к своим творениям, когда видите их на экране? И еще: как проведете время в Москве?

– (Лукаво улыбается) Телефончик не дадите? Ой, а первый вопрос я забыл... Ах да! Однажды я

посмотрел «Пианиста» и почувствовал себя как будто распятым. Я работал над этой картиной несколько месяцев, я снимал ее, репетировал, полгода клеил и монтировал – по 14 часов в день. Пересматривал-пересматривал-пересматривал... И в зрительном зале фильма я уже не увидел. Увидел лишь те проблемы, которые решал, создавая его на протяжении долгого времени. Единственное, что делает картину свежей – зрительская реакция. Я был потрясен, когда люди остались в зале после просмотра и титров. Понял вдруг, что, приехав домой, они будут еще долго говорить о «Пианисте». А после Канн я вообще перестал его смотреть. Прихожу на премьеру, отсиживаю минут десять и ухожу. Перед финалом возвращаюсь. В Москве я проведу всего несколько дней. Потом едем в Бухарест. Я уже был здесь четырнадцать лет назад, когда собирался снимать «Мастера и Маргариту» для студии Warner brothers. Написали хороший сценарий, все подготовили, но студия вдруг решила, что кино будет некоммерческим, и все развалилось. Потом я снимался у вас в фильме... К сожалению, не помню его название... А, ну да, «Back in USSR»!

– Странное впечатление остается от главного героя фильма: он слабохарактерный, выживаает, хотя гибнет его семья, прячется. Такое ощущение, что единственное, что он умеет, – играть на фортепиано...

– Люди разные. Есть пианисты и есть герои. Не каждому пианисту суждено стать героем и наоборот.

Когда я снимал этот фильм, одной из моих целей было ответить на дурацкий вопрос, который все и всегда задают: «Почему евреи не сопротивлялись?». Это только в кино все шесть миллионов населения объединяются и восстают. А на самом деле начинается все с того, что вам просто нельзя сидеть в парке, потом нужно носить специальную звезду, потом всем приказывают жить в одном районе, потом кого-то отсылают. И вот все эти люди – женщины, старики, дети, думают: «Но хуже-то уже не будет! Главное – перетерпеть!». И лишь оставшиеся 60 тысяч начинают бороться.

– Почему ваши евреи не говорят о Боге?

– Большая часть населения гетто так и жила. Это обычные люди, а не

ортодоксы, как все думают. Помню, в Краковском гетто на другой стороне улицы жили ортодоксальные евреи. И мы, дети, издевались над ними. Один мальчик там носил пейсы и лапсердак, а мы дразнили.

– Теперь-то, после «Оскара», поедете снимать в Америку?

– Думаю, что уже ответил на этот вопрос. Я лучше снимал бы фильмы с Адрианом Броди, чем со Шварценеггером. Хотя

и с ним бывают неплохие картины. Но не для меня.

– Что для вас все эти награды?

– Без ложной скромности скажу, что все мои награды посвящены тем людям, с которыми я работал. И сотворцам, и простым служащим. Никогда еще я не работал в таком сотрудничестве и с таким вдохновением. Иногда у меня было 1600 человек на площадке, и все они вставали в четыре утра и сидели по моей команде до самого захода солнца, при этом ни один не жаловался.

Записала
Ника ДРАБКИНА

